Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Ортега-и-Гассет Хосе

Летняя соната

Некоторые люди словно бы явились из далекого прошлого. Случается, что нам даже легко определить, в каком веке им следовало бы родиться, а про них самих мы говорим, что это - человек эпохи Людовика XV, а тот - Империи или времен "старого режима". Тэн преподносит нам Наполеона как одного из героев Плутарха[1]. Дон Хуан Валера весь из XVIII века: холодная желчность энциклопедистов и их же благородная манера изъясняться. Дух этих людей словно выкован в другие эпохи, сердца принадлежат давно ушедшим временам, которые они умеют воссоздать куда ярче, чем вся наша историческая наука. Эти чудом сохранившиеся люди обладают очарованьем прежних дней и притязательностью изысканных подделок. Дон Рамон дель Валье-Инклан - человек эпохи Возрождения. Чтение его книг наводит на мысли о людях тех времен, о великих днях истории человечества.

Я только что прочитал "Летнюю сонату" и представлял себе ее автора широкоплечим, плотным, с мясистым лицом и лбом в складках, словно он из рода Борджиа[2], свирепые инстинкты переполняют его, а в часы досуга он, забавляясь, скручивает жгутом железный прут или кулаком ломает подкову, как, по рассказам, делал это сын Александра VI. Плотская любовь и ненависть неразлучно слиты в героях "Летней сонаты",- они картинно красивы и без труда достигают желаемого. Такими, вероятно, были Бенвенуто и Аретино. Доблестные герои risorgimento[3] умели приправить галантной извращенностью свои чудовищные повествования. Но автор книги ни в чем не походит на эти великолепные экземпляры человеческого рода: он тощий, невообразимо тощий, с длинной бородой таинственно иссиня-черного, даже лиловатого оттенка, над которой поблескивают стекла замечательного пенсне в черепаховой оправе.

Дон Рамон дель Валье-Инклан особенно любит изображать предметы более всего противные той морали, что преграждает путь дерзкой отваге и насквозь пропитала людские сердца, скучной английской морали, возможно немного сентиментальной, но полезной для повседневного обихода и спокойствия в государстве. В "Летней сонате" маркиз Брадомин, этот Дон-Жуан, "католик, некрасивый и сентиментальный", предается любви с креолкой, у которой прекрасные глаза и тайный грех, "великолепный грех античных трагедий". Стремительно, словно промчавшийся на горизонте гаучо[4], врывается в повествование некий мексиканский разбойник Хуан Гусман, на совести которого не одно убийство и за чью "великолепную голову испанского авентуреро была назначена награда". "В XVI веке Хуан Гусман завоевал бы права дворянства, сражаясь под знаменами Эрнана Кортеса... Его кровавые подвиги - это именно те деяния, из которых в прежние времена могли вырасти эпопеи. В наши дни это бывает все реже, ибо в душах наших нет прежней пылкости, стремительности и силы". Воскрешая героев Макиавелли, автор не довольствуется дифирамбами,- он преисполнен к ним нежности и умиления.

Вполне верю, что сеньор Валье-Инклан при случае ощущает, как поднимается у него в груди тоска по вольной, подвластной лишь инстинктам жизни и даже, возможно, появляется желание подлить в кувшины на пиру cantarella[5], любимого в семействе Борджиа яда, но закон есть закон, и сеньор Валье-Инклан по доброй воле довольствуется лишь любовью к этим временам и к этим людям, словно бы к своим кровным родственникам. И вот некая реакция духовной алхимии превращает Валье-Инклана, человека quattrocento[6], в человека, поклоняющегося Возрождению, а идеалы его предстают перед нами изувеченными манерным и порочным культом. Печальна судьба несовременных людей! Заратустра[7] по своему складу был всего лишь человеком, поклоняющимся индивидуализму в наши жалкие времена демократии.

Но сеньор Валье-Инклан обладает и другими качествами, которые делают из него редкостного художника, создание совсем других исторических эпох.

Ныне мы все погружены в печаль: кто скрашивает ее доброй улыбкой, кто изливает жалобы и так переполнен дурными предчувствиями, что сердце сжимается; но в искусстве пессимизм играет с нами злую шутку. Все творения французских натуралистов - сплошная пространная жалоба, жалобное рыдание над судьбой обездоленных. Диккенс проливает слезы над нищими духом. Русские романисты изображают только лохмотья, голод и всяческие низости. Искусство, родившееся танцуя, стало угрюмым и ворчливым и еще более усугубляет наше жалкое существование неврастеников. Художники, возможно предчувствуя сумерки истории, стали неблагодарными и, как отвергнутые пророки, злыми. Самые разные трудности в борьбе за существование осадили фантазию писателей и добились права гражданства в литературном творчестве. Современный роман, начиная с великого должника Бальзака,- это сплошь описание жизни болезненной и нервной от безденежья, от безволия, от некрасивости, от хилости или отсутствия таких моральных качеств, как чувство чести или здравый смысл. Это все литература об ущербности жизни.

Литература, которую творит сеньор Валье-Инклан, напротив того, полна жизненных сил, вовсе не стремится к глубоким постижениям мира, красива, как безделушка, и к тому же еще забавна - вереницы бледных умирающих женщин, необычайная изысканность бесед, словно разговор в Версале, рыцарская и любовная мощь героев,- но я не скажу, чтобы эта литература вселяла бодрость и придавала силы, это было бы неверно. Персонажам "Летней сонаты", когда они хотят насладиться жизнью, не приходится бороться с мелкими неудобствами, которые создают суровые сморщенные басни современной морали, и поэтому чтение книги захватывает, дает душе отраду и отдохновение. На этих вдохновенных выдумках нервы отдыхают от повседневной печали.

Такое приятное расположение духа восхитительно! Не видеть в нашем печальном краю ничего, кроме мускулистых дерзких рук и безумств любви, уже само по себе далеко не обычно.

Как-то на этих днях я искал этому объяснения и, читая книжку в желтой обложке, выписал в предназначенный для подобных целей блокнотик, что Анатоль Франс говорит о Банвиле: "Возможно, из всех поэтов он меньше всех думал о сущности вещей и о положении людей. Его оптимизм, сформировавшийся благодаря полному незнанию общих законов, был великолепен и незыблем. Ни на мгновение горечь жизни и смерти не касалась уст этого очаровательного сочетателя слов"[8]. Только так можно понять то, о чем говорит сеньор Валье-Инклан в наши такие малокровные и упорядоченные времена, когда и желания недостанет для великих пороков и крупных преступлений.

Да, автор "Записок маркиза де Брадомина" - человек другого века, камень, оставшийся па поверхности земли от других геологических периодов, позабытый, одинокий и совсем ненужный нашей промышленности.

И такой жребий проявляется не только в его приятии или неприятии людской морали, но и в самом его искусстве, которое более сходно с искусством ювелира, нежели литератора от нынешней литературы; а иногда целые страницы у него заволакивает туман жеманства. Но прежде всего это изысканное и превосходное искусство: художник с тщанием благоразумных девственниц поддерживает в глубинах своего сознания огонь в том светильнике, о котором говорит Рескин,- в светильнике жертвенности[9].

Бывали эпохи упадка, когда какой-нибудь народ, наследник поразительной, высокой культуры, опьяненный ее совершенством и утонченностью, заболев, видимо, манией величия, как случается при любом аристократическом вырождении, изъявлял готовность отказаться от привычных и спокойных радостей и от всего, что необходимо, ради создания чудеснейших вещей; тем самым этот народ принес свои богатства и свою жизнь на жертвенник великолепия. Вот это и есть дух жертвенности; этот дух неистовых эстетических желаний не заботится, например, о том, что часть орнамента будет удалена от взоров и что нет смысла делать ее из драгоценных металлов и пород дерева и вкладывать в нее большой и кропотливый труд.

Как далеки от нас те времена, когда мастер тратил всю свою жизнь напряженную жизнь, исполненную страстей и красоты,- на работу в самой темной части величественного и долговечного купола! Такие мастера теперь большая редкость!

По-видимому, в XIX веке наши авторы чаще черпали вдохновение в прагматическом красноречии и искусно выстроенных театральных перспективах,

чем в простом самозарождающемся искусстве. Художественное творчество перестало быть насущной потребностью, расцветом сил, избытком высоких устремлений, бастионом духа и превратилось в заурядное, благоприобретенное, признанное обществом ремесло; писать стали ради привлечения читателей.

Изменяя конечную цель литературного труда, изменили и его первопричину, и наоборот. Стали писать, чтобы заработать, зарабатывали тем больше, чем большее число сограждан читало написанное. Сочинитель достигал этого, льстя большинству читателей, "служа им идеалом", как сказал бы Унамуно, для них привлекательным; но ведь и сам писатель был создан публикой. И служение литературе стало необременительным, общедоступным. Нет уж теперь людей, которые, садясь писать, украшали бы обшлага рукавов кружевами, как, по слухам, делал Бюффон. Высокий стиль умер. Кто мог по четверть часа размышлять над тем, куда поместить прилагательное - поставить ли его перед существительным или позади него? Флобер и Стендаль; один - человек богатый и одержимый, другой - гордец, писатель, не понятый современниками.

"Вся литература прошлого века,- утверждает Реми де Гурмон,- великолепно отвечает тенденциям, естественным для демократической цивилизации; ни Шатобриан, ни Виктор Гюго не смогли преодолеть закон, по которому стадо бросается на зеленеющий, покрытый травой луг и оставляет после себя лишь голую землю и пыль. Очень скоро стало ясно, что украшать ландшафты, предназначенные для народных опустошений, бесполезно, и появилась литература, в которой отсутствует стиль, подобная широким вытоптанным дорогам, вдоль которых нет ни травинки, нет тени, нет журчащих источников"[10].

Конечно, я не стану утверждать походя на этих страницах, что "bello estilo"[11] воистину мертв, и не стану оплакивать его царственный труп. Это предмет для долгого исследования, и, чтобы его обсуждать, нужно предварительно уточнить и очистить от лишних наслоений значение и понимание кое-каких терминов, на которые налипло много пустых идей.

Но вернусь к сеньору Валье-Инклану.

Демократизму не удалось приблизить к нам душу сеньора Валье-Инклана, отставшую на несколько веков. Глухой - по крайней мере по сей день! - к шуму нынешней жизни, он все еще обожает фамильные гербы, воскрешающие в памяти дворянские легенды и смелых людей, выходивших в одиночку навстречу многочисленным врагам и, как Игнатий Лойола, обращавших в бегство сотни солдат[12] и презиравших простолюдинов и законы; сеньор Валье-Инклан хранит в памяти ослепительные воспоминания о роскошных, блестящих нарядах, о вошедших в историю драгоценностях, о героических поступках, о длинных звучных именах, которые сами по себе подобны хроникам,- воспоминания о тщеславных, многочисленных и запылившихся предметах реквизита старой аристократии. И все эти нагромождения кастовых чувств и гордых иллюзий отражаются в его стиле и придают благородство почерку певца декаданса.

"Нинья Чоле сидела как божество, в экстатическом и священном спокойствии народа майя, такого древнего, благородного и таинственного, что, казалось, он переселился в эти края из глубин Ассирии...". И когда Брадомин решает отправиться в Мексику: "Я почувствовал, что в душе моей оживает, подобно некой Одиссее, прошлое моих предков-скитальцев. Один из них, Гонсало де Сандоваль, основал на этих землях королевство Новую Галисию, другой был там Великим Инквизитором, и у маркиза де Брадомина сохранились еще остатки майората, уцелевшие после многочисленных тяжб..." "Охваченный благоговейным волнением, взирал я на выжженный солнцем берег, где, опередив все остальные народы старой Европы, первыми высадились испанские завоеватели, потомки варвара Алариха и мавра Тарика". Все это примеры классически-декадентской литературы, превосходно подделанные жемчужины.

В "Летней сонате" есть страницы наверняка стоившие ее автору недель труда над словом и его местом, недель бесчисленных перестановок и изменений. Он, без сомнения, много поработал, чтобы научиться как следует расставлять слова, чтобы прилагательные набрали особую силу и упругость. Валье-Инклан искренне и глубоко любит прилагательные; некоторые из них окружены у него истинным обожанием, и он испытывает сладостные чувства, занимаясь ими и помещая когда перед существительным, а когда после него, и делает это не просто как ему вздумается, а потому, что только на этом месте, и ни на каком другом, они играют всеми красками своих выразительных средств и становятся яркими и выпуклыми: он их перемешивает, приумножает, ласкает. В

"Беатрис"[13] читаем: "Беатрис вздохнула, не открывая глаз. Руки ее были вытянуты на одеяле. Они были тонкие, белые, нежные, словно прозрачные". А в "Осенней сонате": "Из шкафа донесся нежный и старинный аромат". Прелестная, слегка запылившаяся фраза, словно бы выпорхнувшая на свет из пудреных буклей парика!

Эта радость давать словам новое звучание, по-новому их соединяя, и есть последняя и основная черта стиля Валье-Инклана; отсюда же рождается и обновление испанской лексики и повышение ценности самих слов.

Валье-Инклан упорно высиживает свои образы, чтобы сделать их как можно свежее: "Луна изливала на них свое сияние, далекое и непостижимое, как чудо". В другом месте он говорит о раковинах на пелерине паломника, что "они покрыты патиной древних молитв", или про "золотой луч заката, который пронзает торжествующую листву, сверкающий и горячий, как копье архангела".

Рассматривая подобные сравнения, видишь, как влияют на сеньора Валье-Инклана иностранные авторы, и это очень забавно, хотя нельзя отрицать и того, что авторы эти оказывают на него влияние и разными другими способами. Наша обожаемая классическая проза была далека от таких уподоблений, от таких точных и молниеносных сближений, и, верная латинской традиции, она предпочитала некоторые почти аллегорические сравнения. Просмотришь множество страниц из "Оруженосца Маркоса" или из "Гусмана де Альфараче"[14], позабытых книг в нашей литературе,- и не сможешь сорвать ни одного цветка, ни одного образа. С другой стороны, истинно испанское сравнение, которое ведет свое происхождение от наших классиков и которое еще долго было в ходу у писателей прошлого века,- это полное сравнение всякой первичной идеи с вторичной, с которой она гармонично сочетается.

Причину этого простодушия мне не хочется называть, она и по сей день для многих ушей неприятна; испанские сравнения таковы, потому что изначально наша литература - и даже вообще язык - была риторична; то было ораторское искусство. Это, конечно, немного неприятно, а доставлять неприятности ближнему жестоко, поэтому не стану больше говорить на эту тему.

Итак, сеньор Валье-Инклан сгущает свои уподобления и пользуется почти исключительно сходством не общим, рожденным от всего образа в целом, а от уподобления какой-нибудь одной черты, одной грани образа, то есть ищет сходства на периферии его. Например, про мельника написано, что он был "веселый и плутоватый, как книжка старинных прибауток", о грудях Беатрис "белые, как хлеб причастия", и в другом месте: "Долгий и пронзительный вой доносился до салона из таинственной глубины дворца. Эти пугающие звуки раскалывали темноту и бились в тишине, как перепончатые крылья Люцифера[15]..." Этому тяжкому труду соединять тончайшей нитью самые отдаленные понятия сеньор Валье-Инклан научился не у испанских писателей: искусство это чужеземное, и в нашей стране мало кто им вдохновляется.

Вот в таком изысканном стиле, убаюкивающем сладостной монотонностью повторов, покрытом испариной .чуждых влияний, представляет читателю своих персонажей и рисует происходящее автор "Приятных записок".

Персонажи! Нетрудно их себе вообразить после всего, что я уже сказал выше... Сеньоры, учтивые и надменные, дерзкие и отважные, губят сердца и невинность, враждуют и презирают, а на события собственной жизни любят смотреть как бы со стороны, с легким налетом философической наглости... Крестьяне, смиренные, льстивые, с правильными чертами лица и стародавней речью... Священники и монахи, велеречивые и женолюбцы: галерея лиц, питающих склонность к похождениям,- их физиономии на одну треть напоминают знакомых автора, а еще на две найдены им на страницах вест-индских хроник, мемуаров Казановы и Бенвенуто и плутовских романов. Женщины обычно либо слабые, пугливые, суеверные и безвольные златоволосые создания, которые сдаются на милость отважных и молодцеватых мужчин, либо дамы времен Возрождения немыслимые красавицы, пылкие и не знающие угрызений совести.

Таковы действующие лица; среди них попадаются и незабываемые, изумительно отчеканенные образы. Таков и дон Хуан Мануэль, дядюшка Брадомина и владелец Лантаньонского поместья, последний истинный феодал,- он навсегда останется в памяти читателя.

Ни в "Сонатах", ни в рассказах у сеньора Валье-Инклана не найти людей обыкновенных; все персонажи ужасны: либо они ужасно простодушны, либо

ужасно своевольны. Среднего человека из демократичной натуралистической литературы, с его мизерными желаниями и будничной жизнью, и невозможно было бы поместить среди броских и живописных персонажей автора "Летней сонаты".

Живописность! Вот в ней-то главная сила этой вещи. Валье-Инклан всячески добивается в своих сочинениях именно живописности. На живописности держится его творчество; мне говорили, что на живописности держится и его жизнь,- я этому верю.

Для того чтобы овладеть искусством так прелестно компоновать людей и события, нужно достаточно пожить на свете, сунуть нос во многие отдаленные уголки и, возможно,- кто знает? - быть не очень привязанным к родному очагу, не раз испытать бортовую качку, чтобы поглядеть экзотические края. Случается, я спрашиваю себя, в чем причина того, что живописность изгнана из сочинений литераторов-дипломатов. Я думаю об этом, читая холодные и пристойные книги кое-каких новых писателей, служащих по Министерству иностранных дел, которому покровительствует душа дона Хуана Валеры, божества-Пана, улыбающегося и слепого; он по-прежнему остается в невозделанном саду нашей словесности словно белое и разбитое изваяние какого-то родового божка.

Для того чтобы слова прониклись чувствами, нужно страдать. У меня есть друг, который был молод и счастлив; он писал и раздумывал о том, о чем и я сейчас думаю: что подготавливать свой духовный мир к занятию искусством это вовсе не означает только читать и делать выписки; обязательным, по его мнению, для этого было Страдание, которое делает нас человечными. И вот я увидел, как этот простосердечный юноша стал гоняться самым безрассудным образом за Страданием, а Страдание обходило его стороной. Ну разве не забавна эта новая донкихотская мания?

Простите мое отступление в собственные воспоминания. Дело в том, что воспоминание о моем друге, который, как и Диккенс, хотел волновать, сочетается у меня с доном Рамоном дель Валье-Инкланом, который и не волнует и не хочет волновать. Только несколько строк в рассказе "Горемыка" трогают читателя. Все остальное бесчеловечно иссушено: никаких слез. Композиция сделана так, что свежему чувству в ней нет места и ни одна страница не открыта дыханию современности. Этот художник ревниво скрывает горести и беды человека: он слишком предан искусству. Он становится неприятным, как тот человек, который так предается страсти, что не думает ни об усталости, ни о пресыщении. Таков автор "Записок маркиза Брадомина".

Самобытный стилист и страстный поклонник родного языка, страстный до фетишизма; творец романных вымыслов, порожденных историей человечества, а не его сегодняшним днем. Враг психологических изысканий, чистый художник и трудолюбивый создатель новых словосочетаний. И все эти черты доведены в нем до крайности, так что иной раз он кажется манерным. Как всякий неординарный человек, отмеченный печатью яркой индивидуальности, как всякий, кто с особым усердием возделывает свой маленький сад, Валье-Инклан окружен толпой подражателей. Кое-кто, спутав его искусство с искусством Рубена Дарио, а также их обоих - с французскими символистами, способствовал появлению у нас целой когорты поэтов и прозаиков, которые все говорят почти одно и то же, да к тому же одинаковым - вычурным, бедным и невыносимым языком. И оказывается, что работа над языком, страстное стремление усилить яркость слов выцветших, отшлифовать слова шероховатые и заставить блестеть потускневшие отнюдь не приносит пользы, а один лишь вред.

Если бы сеньор Валье-Инклан расширил рамки своего творчества, то его стиль стал бы строже, утратил бы мнимую музыкальность, болезненность и красивость, которые иной раз утомляют, но почти всегда чаруют. Сегодня это интересный писатель с резко выраженной индивидуальностью; тогда он стал бы великим писателем, мастером и учителем для других. Но до тех пор, черт возьми, следовать ему грешно и вредно.

Со своей стороны признаюсь, хотя мое признание вовсе не интересно, что это один из тех наших современных авторов, которые меня особенно увлекают и которых я читаю с величайшим вниманием. Уверен, что он лучше любого другого может научить некоторым познаниям в области фразеологической химии. Но как я порадуюсь в тот день, когда, открыв новую книгу сеньора Валье-Инклана, я не наткнусь в ней ни на "златоволосых принцесс, которые прядут на хрустальных прялках", ни на знаменитых разбойников, ни на никчемные инцесты! Когда, дочитав эту предполагаемую книгу и весело хлопнув несколько

раз по ней рукой, я воскликну: "Наконец-то дон Рамон дель Валье-Инклан расстался со своими бернардинками и рассказывает нам о чем-то человеческом, в благородной манере писателя-аристократа!"

Перевод Н. П. Снетковой, 1991 г.

КОММЕНТАРИЙ

В Испании труды Ортеги-и-Гассета печатались, за отдельными исключениями, в изданиях, принадлежащих автору или членам его семьи - в газетах "Эль Импарсьяль", "Эль Соль", в журналах "Фаро", "Эспанья", "Ревиста де Оксиденте", а также в издательстве под этим названием. Это давало возможность Ортеге, находившемуся в оппозиции к режиму Франко и не признанному этим режимом, вести пропаганду своих идей и новых явлений в западной культуре.

Ортега сам определял состав книг и сборников своих работ, руководствуясь при этом общим замыслом построения систематического свода концепций философии "жизненного разума". Так сложился состав Полного собрания сочинений, вышедшего при жизни Ортега тремя, по существу, стереотипными шеститомными изданиями (ныне Полное собрание сочинений Ортеги увеличилось до 9 томов).

Переводы для настоящего сборника выполнены по 3-му изданию, которое выходило в Мадриде в 1953-м (т. 1-й), 1954-м (т. 2-й) и 1955-м (тт. 3-4-й) г. В комментариях названия работ аннотируются по следующему образцу: О. С. (Obras completas), t. ..., p. ... (например: О. С., I, p. 317).

ЛЕТНЯЯ СОНАТА

(La sonata de estio, de Don Ramon del Valle-Inclan).

- O.C., 1, p. 19-27.

Впервые опубликовано: "La Lectura", Мадрид, февраль 1904 г. Настоящая рецензия - вторая из опубликованных работ Ортеги и первая, в которой мы встречаемся с его анализом эстетических проблем модернизма и с известным предвосхищением концепции "дегуманизации" западного искусства XX в. (см. замечание автора на с. 58 о том, что в творчестве Валье-Инклана "все... бесчеловечно иссушено: никаких слез"). Это обстоятельство важно учесть, поскольку в литературе о Валье-Инклане можно встретить мнение о том, что в этот период Ортега был еще далек от мыслей о дегуманизации искусства (см.: Тертерян А. И. Испытание историей. М., 1973, с. 148).

Цикл повестей, объединенных общим замыслом и связанных одним героем ("Осенняя соната", "Летняя соната", "Весенняя соната", "Зимняя соната"), создан Валье-Инкланом в 1902-1905 гг.

Примечания

[1] Речь идет о книге И. Тэна "Происхождение современной Франции", в которой образ Наполеона, подобно тому как это имело место у Плутарха в "Сравнительных жизнеописаниях" в отношении цезарей, воссоздается на основе учета "факторов среды", из которых важнейшим является фактор "расы", то есть исторически сложившихся социально-психологических свойств французского народа. Критический анализ этих воззрений Тэна дал Г. В. Плеханов (см.: Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 1. М., 1958, разд. "Теория искусства").

[2] Борджиа (исп. "Борха") - старинный испанский род, возвышение которого началось с Алонсо, кардинала, а впоследствии папы (Каликста III). Когда Алонсо получил папскую тиару, к нему в Рим перебрались многочисленные родственники, в числе которых был Родриго, будущий папа Александр VI, отец Чезаре Борджиа (ок. 1476-1507) - правителя Романьи, князя и кардинала, игравшего важную роль в европейской политике..

[3] Имеется в виду Возрождение; обычно этот термин применяется по отношению к национально-освободительному движению в Италии в конце XVIII-XIX в.

[4] Конный пастух (исп., южноамер.). Быт и традиции гаучо нашли широкое отражение в южноамериканском фольклоре.

[5] Наименование яда; дословно-"шпанская мушка" (итал.).

[6] Кватроченто (итал.).- XV век, эпоха протоpенессанса.

[7] Заратустра (Заратуштра), в греческой версии Зороастр,- легендарный пророк и реформатор древнеиранской религии. Учение, изложенное в "Авесте", священной книге зороастризма, направлено против родоплеменного общества и старых богов и призывает к сильной власти и миру.

[8] Рецензия А. Франса из сборника "Литература и жизнь" ("La vie litteraire").

[9] Ортега использует образ из книги Дж. Рескина "Семь светильников архитектуры" (1899).

[10] Статья Р. де Гурмона "О стиле, или О писании" ("Du style ou de 1'ecriture ") в сборнике "Культура идей" (La culture des idees. Paris, 1899).

[11] "Прекрасный стиль" (исп.).

[12] Игнатий Лойола, будущий основатель ордена Иисуса, в молодости был офицером; будучи опасно ранен, услышал голос Бога и принял духовный сан. Приводимый Ортегой эпизод относится к 1522 г., когда Лойола руководил защитой крепости Памплона от французов.

[13] "Беатрис" - ранний рассказ Валье-Инклана.

[14] "Оруженосец Маркое", "Гусман де Альфараче" - плутовские романы "Жизнь оруженосца Маркоса де Обрегона" Висенте Эспинеля и "Жизнеописание Гусмана де Альфараче" Матео Алемана.

[15] Люцифер (Сатана) - глава мятежных ангелов; согласно средневековым представлениям, у него шесть крыльев нетопыря, которые соответствуют шести крыльям херувима.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!